

А. М. Кусаинова

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ГЕРОЛЬДА БЕЛЬГЕРА

В статье рассматривается вопрос появления термина «языковая личность» в работах известных русских учёных-лингвистов, отмечаются основные черты её проявления и своеобразие, тесное взаимодействие языка, культуры и этноса, а также характер и особенности формирования языковой личности современного казахстанского писателя-трилингва Герольда Бельгера.

Ключевые слова: терминология, термины, языковая личность, этническая ментальность, казахстанские писатели, Бельгер Герольд Карлович.

Термин «языковая личность», начиная с 80-х годов прошедшего столетия и до сегодняшнего дня, является одним из самых частотных и популярных в отечественной лингвистике.

Первое обращение к языковой личности, по мнению В. А. Масловой, связано с именем немецкого ученого Й. Вейсбергера. В русской лингвистике первые шаги в этой области сделал В. В. Виноградов, который выработал два пути изучения языковой личности – личность автора и личность персонажа. О говорящей личности писал А. А. Леонтьев. Само понятие языковой личности начал разрабатывать Г. И. Богин, он создал модель личности, в которой человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи». Ввел же это понятие в широкий научный обиход Ю. Н. Караулов, который считает, что языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [7. С. 57].

Ю. Н. Караулов разработал уровневую модель языковой личности с опорой на художественный текст. Языковая личность, по его мнению, имеет три структурных уровня. Первый уровень – *вербально-семантический* (семантико-строевой, инвариантный), отражающий степень владения обыденным языком. Второй уровень – *когнитивный*, на котором происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство. Этот уровень предполагает отражение языковой моде-

ли мира личности, ее тезауруса, культуры. И третий – высший уровень – *прагматический*. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности.

Языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. При этом речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. Именно на уровне речевой личности раскрывается национально-культурная специфика самого общения.

В содержание языковой личности обычно включаются такие компоненты:

а) ценностный, мировоззренческий, компонент содержания воспитания, т. е. система ценностей, или жизненных смыслов. Язык обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения;

б) культурологический компонент, то есть уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации;

в) личностный компонент, т. е. то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке.

Параметры языковой личности только начинают разрабатываться. Она характеризуется определенным запасом слов, имеющих тот или иной ранг частности употребления, которые заполняют абстрактные синтаксические

модели. Если модели достаточно типичны для представителя данного языкового коллектива, то лексикон и манера говорения могут указывать на его принадлежность к определенному социуму, свидетельствовать об уровне образованности, типе характера, указывать на пол и возраст и т. д. Языковой репертуар такой личности, деятельность которой связана с выполнением десятка социальных ролей, должен быть усвоен с учетом речевого этикета, принятого в социуме.

Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т. д. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов.

Так, В. В. Красных выделяет в ней следующие компоненты: а) человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность; б) собственно языковая личность – личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая совокупностью знаний и представлений; в) речевая личность – это личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, репертуар средств; г) коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации [9. С. 44].

Языковая личность – социальное явление, но в ней есть индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей – из индивидуальных языковых особенностей.

Понятие языковой личности не замыкается на индивидуальном пользователе языка, но выходит на уровень национального языкового типа.

Языковая личность является носителем языкового сознания, существующего в виде двух ментальных образований – знаний и

представлений, с помощью которых формируется целостный образ мира, являющийся «...основой для рефлексии индивида и дальнейшего освоения им смыслового многообразия мира». Каждая языковая личность уникальна, обладает собственным когнитивным пространством, собственным знанием языка и особенностями его пользования. Исследователь Д. Б. Гудков считает, что не существует просто языковой личности, она всегда национальна, всегда принадлежит определенному лингвокультурному обществу.

Язык, культура и этнос неразрывно между собой связаны и образуют средоточие личности – место сопряжения её физического, духовного и социального. Языковая личность и концепт – базовые категории лингвокультурологии, отражающие ментальность и менталитет обобщённого носителя естественного языка и предоставляющие этой научной дисциплине исследовательский инструмент для воссоздания прототипического образа «человека говорящего».

Язык – орудие, инструмент культуры, формирующий личность человека – носителя конкретного языка. Языковая личность формируется, по мнению Тер-Минасовой, через «...заложенное в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и так далее, то есть, через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения».

В этносе – носителе определённой культуры – воспроизводится народно-эмоциональный опыт. Национальная принадлежность представляет собой «...реальную структурно богатую связь личности с обществом, включающую в себя социально-экономический, территориально-бытовой, общественно-политический, языковой, духовный и социально-психологический аспекты». Национальное своеобразие личности состоит прежде всего в неповторимом сочетании общих для всех этносов элементов, в комбинации системы отношений и ценностей и проявляется только в соотношении одной национальной личности с другими, диалог между которыми имеет целью достижение взаимопонимания и взаимообогащения.

Многие исследователи отмечают, что именно на уровне сравнения национальных менталитетов, характеров носителей языка, а не лексических систем, особенно ясно прослеживаются отличительные нюансы языковых картин мира разных этносов. Н. Ф. Алефиренко счи-

тает, что ментальность является «сердцевиной этнокультуры». Ментальность – это «совокупность типичных проявлений в категориях родного языка понимания человеком (членом данного культурно-языкового общества) внешнего и внутреннего мира, специфическое проявление в процессах познания интеллектуальных, духовных и волевых качеств национального характера» [1. С. 7]. Кроме языковых структур, ментальность «...реализуется образными, понятийными и мифическими структурами или концептами» [9. С. 11].

Важнейшей составляющей ментальности является сознание. Второй её составляющей частью являются бессознательные процессы ощущения. Культура, по мнению Н. Ф. Алефиренко, это часть ментальности. В связи с этим можно принять достаточно ёмкую формулу: «в культуре нет ничего, что не содержалось бы в человеческой ментальности. Язык – это средство, благодаря которому ментальность порождает в своих недрах культурные феномены».

В процессе познания ментальность соединяет интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Основная единица ментальности – *концепт* – представляет собой чистый смысл, не приобретший языковую форму, это, своего рода, первосмысл, первообраз, архетип, константа.

В современной культурологической литературе существуют попытки каким-то образом дифференцировать ментальность. К примеру, говорят о трёх разновидностях ментальности: а) «западный» дедуктивно-познавательный менталитет, стремящийся в форме понятий и суждений отражать окружающую действительность и имеющий практическую направленность; б) «восточный» менталитет, ориентированный на интуитивное мышление, в большей степени направленный на созерцание, духовное самоусовершенствование, развитие внутреннего мира, чаще всего использующий не понятия, а смыслообразы и мифы; в) менталитет «традиционного общества», ориентированный на предметное решение жизненных ситуаций и конкретных проблем, стоящих перед этнокультурной общностью. В пределах трёх указанных разновидностей ментальности можно говорить об *этнической ментальности*, которая разграничивает народы и определяет их «национальную физиономию».

По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, «...человек не рождается ни русским, ни немцем, ни японцем и т. д., а становится им в результате пребывания в соответствующей национальной общности людей». Язык концентрирует в себе представление о национальной самобытности человека и о его национальной принадлежности. В то же время, язык как бы «навязывает» индивиду то видение окружающего мира, ту картину, которую «нарисовали» до него и без него, он формирует менталитет носителя языка. Национальный язык не только отражает, но и формирует личность и национальный характер.

Разными исследователями национальный характер определяется как «...совокупность специфических психологических черт, ставших в большей или меньшей степени свойственными той или иной социально-этнической общности в конкретных экономических, культурных и природных условиях её развития», а также как «своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий», «устойчивые и/или национальные черты привычек или традиций, формирующихся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического развития и проявляющихся в специфике её национальной культуры».

Обратившись к личности известного казахстанского писателя Герольда Бельгера, мы обнаруживаем, насколько многогранна его литературно-художественная деятельность и насколько весом и значителен его вклад в современный литературный процесс.

В совместном исследовании С. Ананьевой и Л. Бабиной «Творчество Герольда Бельгера в контексте современного литературного процесса» [2. С. 199] содержится целостный и многоаспектный анализ творчества писателя, его эволюция, причём с учётом главных тенденций историко-литературной эпохи.

Писатель удивительным образом представляет в своём творчестве такие разнообразные грани писательского труда, как художественный перевод, публицистика и романистика. Основными факторами становления творческой концепции писателя являются активная гражданская позиция и общественная деятельность Г. Бельгера, а её составными – чувство национального корня, желание «просветить» историю немецкого этноса и определить его место в настоящем и будущем, планетарное мировоззрение писателя.

Интересы Г. Бельгера разнообразны. Вступив на литературное поприще как переводчик произведений Г. Мусрепова, А. Нурпеисова, Б. Майлина, Х. Есенжанова и других мастеров, а также являясь автором великолепных литературных портретов казахских, русских и немецких писателей, он впоследствии увлекается теорией и практикой перевода. Это нашло отражение в книгах: «Лики слова», «След слова», «Казахское слово», «Этюды о переводах И. Джансугурова» и т. д. Духовные контакты казахов и немцев писатель выявляет, начиная с XVIII века, приводит удивительные факты и продолжает своё исследование на современном материале, прослеживая казахскую тематику в немецкой литературе и анализируя образы персонажей-немцев в современной казахской литературе в следующих произведениях: «Мотивы трёх струн», «Родство», «Брат среди братьев», «Гёте и Абай», «Тихие беседы на шумных перекрёстках» и других.

Движение прозы Г. Бельгера можно проследить от лаконичных новеллистических форм до развёрнутого повествования, от порой внешних эффектов к более глубокому, подчас драматичному взгляду на действительность, от зарисовок бытовой повседневности к истории, от жизненного факта – к истории судьбы. Размышляя над проблемой исторического времени, автор приходит к представлениям о сложной связи прошлого, настоящего и будущего, выявляет их взаимообусловленность, ценность исторической памяти народа. Ведущими жанрами художественной прозы Г. Бельгера являются рассказ и повесть, но последние романы мастера «Дом скитальца» и «Туюк су» – заметное явление в литературе Казахстана. Идея нравственной памяти, сопричастности каждой отдельной личности судьбам всего народа отчётливо выражены в их главной идее. Дом скитальца – его память. Пока человек помнит родину, детство – он жив.

В романах «Дом скитальца» и «Туюк су» сходятся воедино главные темы, волновавшие Г. Бельгера на протяжении всего его творчества. Эти произведения, являющиеся многоплановыми, с разветвлёнными сюжетными линиями, обладающими стройной своеобразной композицией, подводят своеобразный итог разрабатываемым ранее темам, поднимают их на новый уровень художественного обобщения, так как в этих произведениях отражены целые пласты истории (репрессии,

война, трудовая армия, послевоенное время и современная действительность).

В целом, творчество писателя обусловлено евразийским мировосприятием, образом его художественного мышления. Своеобразие эстетического феномена Г. Бельгера определяется взаимодействием в его творческом сознании (публицистическом и художественном) западного и восточного начал. Определяющее влияние на художественный строй произведения писателя оказал тройственный (трилингвизм) тип его авторского мировосприятия. В его произведениях, независимо на каком языке они написаны, всё время присутствует триединый стиль. «Три струны души» писателя, ситуация «трёхъязычия», несомненно, обогащает все национальные культуры (казахскую, немецкую, русскую). Безусловно, евразийский менталитет Г. Бельгера позволяет соединить восточные (азиатские) и западные (европейские) культурные потоки и создать уникальный казахстанский вариант поликультурности, носителем которой он и является.

Для писателя Г. Бельгера одной из главных тем его творчества стала тема родины. «Мои герои, депортированные и ссыльные немцы, люди искалеченной судьбы, взрослые и малые, постоянно и настойчиво рассуждают на тему: что такое родина, где наша родина, есть ли у нас вообще родина? Или мы вечные скитальцы, изгои, бездомные, неприкаянные на этой земле?» И в своих книгах, статьях, многочисленных выступлениях он пытается найти ответы на такие «вечные», шекспировского масштаба вопросы. Из своих 74 лет более 60 он живёт на земле Казахстана. «Мне ещё не было полных 7 лет, как я очутился в казахском ауле на берегу Есиля – Ишима. С того времени и начинается отсчёт моей сознательной жизни. Река Есиль, прибрежный тугай, перелески, берёзовые колки, ковыльная степь, бураны и ливни благодатного северного Казахстана я воспринял как родное, как нечто изначальное. Они вошли в моё сознание, в мою плоть. Вся моя жизнь, творчество, думы, дела, надежды связаны с Казахстаном» [3. С. 12].

Он – единственный казахстанский немец, который в совершенстве владеет не только немецким, но и казахским, и русским языками. Причём в знании тонкостей казахского языка ему мало найдётся соперников, – достаточно прочесть его удивительный поэтический очерк-эссе «Гёте и Абай». Нынешних казах-

станских немцев он называет «выпавшими из гнезда, отставшими от стаи», имеющими весьма отдалённое отношение к немецкой культуре. «В общем, Иоганны и Гансы, родства не помнящие». В отличие от них, он своё родство помнит. Человек широкой культуры, он понимает, что не надо бояться русского языка – языка А. Пушкина, И. Бунина, Л. Толстого, «...без этого ни один современный человек, если он причисляет себя к культурным, просто не полноценен». «Русским надо всегда помнить, что за их спиной стоит могучая нетленная русская культура. И с ней не пропадёшь. Ну а я всегда чувствую, что за моей спиной стоят Гегель, Гёте, Шиллер, с ними я тоже не пропаду. Если я знаю казахский язык – это моё богатство. Я думаю так: я уже более 60 лет живу в Казахстане, знаю и люблю казахский язык, я уважаю казахов, но и вы, будьте добры, уважайте меня. Вот на этом и надо строить отношения» [4. С. 53].

Таким образом, в данной статье нами раскрыты все компоненты яркой языковой личности, представленные в работах известных учёных-лингвистов XX века и присущие поликультурному писателю современности Герольду Бельгеру.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Текст и дискурс в фокусе языковой личности // Языковая личность. Текст. Дискурс. Теоретические и прикладные аспекты исследования : материалы междунар. науч. конф. (Самара, 3–5 окт. 2006 г.). Самара, 2006. С. 6–10.
2. Ананьева, С. В. Творчество Герольда Бельгера в контексте современного литературного процесса / С. В. Ананьева, Л. Бабкина ; под ред. Б. Б. Мамраева. Алматы : Шк. XXI века, 2004. 199 с.
3. Бельгер, Г. Каменный брод. Алма-Ата : Казахстан, 1973. 64 с.
4. Бельгер, Г. Родство. Статьи и очерки. Алма-Ата : Казахстан, 1991. 87 с.
5. Брусиловская, Е. Гармония духа Герольда Бельгера // Казахст. правда. 2004. № 34.
6. Воркачёв, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1. С. 64–71.
7. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 48–68.
8. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность : культурные концепты. Волгоград ; Архангельск, 1996. С. 11.
9. Красных, В. В. Коммуникативный акт и его структура // Функциональные исследования : сб. ст. по лингвистике. Вып. 4. С. 43–44.
10. Светланова, В. К 70-летию Г. Бельгера // Евразия. 2004. № 5.

1. Алефиренко, Н. Ф. Текст и дискурс в фокусе языковой личности // Языковая личность. Текст. Дискурс. Теоретические и при-